

— Свидетель, — прижав телефонную трубку к уху, Кэ Вэньшэн застенчиво и с трепетным ожиданием прошептал, чувствуя, как сердце колотится, словно дюжина испуганных оленят: — Вы посмотрите еще ниже...

— Можете прочитать мне то, что написано в самом низу? Сделайте это ради меня, пусть это послужит мне поддержкой, хорошо?

Чувства восемнадцатилетнего юноши были столь горячи, сладки и томительны.

— Малыш Нао-нао, мира, радости и преодоления любых преград...

Голос мужчины был так нежен, что даже сквозь динамик телефона заставлял его сердце биться чаще. Очарованный, он пробормотал:

— Да, Нао-нао — это мое домашнее имя.

APAS не считалось тяжелым заболеванием, но проблема заключалась в том, что Кэ Вэньшэн был омегой и каждый месяц переживал период течки. С тех двух лет, когда он приближался к совершеннолетию, жар становился все более явным и переносился все тяжелее.

Он не мог принимать утешение феромонами альфы, а недоразвитая железа тем более не могла долго полагаться на блокаторы.

Сервисная станция предложила ему два возможных пути решения. Первый — раз и навсегда покончить с проблемой, напрямую удалив железу. После этого у него больше не было бы аллергии на феромоны альфы, но при этом он не стал бы бетой, а отдаленные последствия оставались непредсказуемыми.

Второй путь заключался в том, что станция объявляла среди всех членов общества сбор добровольцев, призывая различных альф жертвовать свои феромоны. Феромоны пациентов-омег, страдающих APAS, сопоставлялись с ними, чтобы найти феромоны с высокой степенью совместимости, которые не вызывали бы бурной аллергической реакции, и постепенно, шаг за шагом, проводить десенсибилизацию.

Поскольку это была общественная благотворительная программа, пациенты и добровольцы не могли видеться друг с другом и тем более не имели права знать чужие личности и контактные данные.

Когда Кэ Вэньшэну исполнилось шестнадцать лет, сервисная станция подобрала для него в базе данных того самого, так называемого «суженого».

— Феромоны растительного типа, аромат мягкий, раздражение относительно слабое, начнем с этой субботы, — так сказал Кэ Вэньшэну врач сервисной станции.

И тогда он принял первую инъекцию успокоительного, в состав которого входили феромоны того альфы.

Целых три года — с шестнадцати до девятнадцати лет — этот господин никогда не опаздывал и не пропускал сеансы.

От самых первых инъекций до последующей очной десенсибилизации он пережил множество аллергических реакций: боли по всему телу, покраснение и отечность железы, тошноту и рвоту... Но тот человек никогда не бросал его, ободряя и призывая стойко и мужественно встречать все испытания.

Пока в прошлом году, поступив в Университет Цинъюань, Кэ Вэньшэн не сгорел от нетерпения поделиться этой прекрасной новостью, лишь чтобы обнаружить, что связаться с ним больше невозможно.

С тех пор этот мужчина словно растворился в воздухе: он больше ни разу не появлялся на сервисной станции и прекратил пожертвования, и казалось, будто все прошлое было лишь сном, приснившимся Кэ Вэньшэну. Когда сон рассеялся, пузырьки русалочки лопнули, и у него больше не осталось ног, чтобы ступить на землю.

Он сидел на холодном полу и лишь спустя долгое время с помутненным сознанием поднялся на ноги.

Как заставить его поверить во все это?

В комнате витал смутно знакомый запах. Пусть и слабый, но он все же уловил его — это был изысканный и утонченный аромат листьев бамбука, принадлежавший Тань Цзинчуаню.

Прижав к груди белую рубашку, извлеченную из гардероба Тань Цзинчуаня, он, словно укравший что-то воришка, зарылся в нее лицом и принялся внюхиваться.

Казалось, сквозь тонкую ткань можно было вообразить в голове, как его заключает в объятия тот безликий незнакомец, поработанный феромонами альфы.

Однако постепенно лицо мужчины превратилось в облик дяди Цинь Чжэня...

— Это уже слишком по-старорежимному помешанному, где же моя гордость, — самозабвенно и тихо пробормотал Кэ Вэньшэн, накинув рубашку на плечи.

Словно брошенный щенок, распознавший по запаху феромонов хозяина, он присел на корточки в углу комнаты, где аромат был еле заметен, ощущая в сердце и горечь, и сладость одновременно.

В пакете, который вручил ему Тань Цзинчуань, помимо пачки нераспечатанных блокаторов, лежало еще несколько упаковок ингибиторных пластырей разных марок, причем все они стоили недешево.

Он разорвал внешнюю упаковку и протянул руку к железе на задней стороне шеи.

В отличие от взрослых омег, железа Кэ Вэньшэня развилась крайне плохо. Большую часть времени она пряталась под кожей, и лишь во время аллергии или течки на ней появлялся крошечный бугорок, размером не больше персиковой косточки.

Обхватив колени руками, он сидел на прохладном полу, нащупывая в области уязвимой железы еще до конца не зажившие следы от уколов.

Если поначалу ему требовалось вводить лишь полдозы, то теперь у него развивалась все большая лекарственная зависимость, и в период течки приходилось колоть по две и более дозы подряд, но жар от этого все равно оставался невыносимым.

Кончик иглы проткнул нежную кожу, и Кэ Вэньшэн привычным движением ввел блокатор в железу. Жар и застой в венах постепенно утихали под воздействием прохладного лекарства.

И все же в глубине его души продолжал раздаваться крик протеста, словно такого уровня утешения было недостаточно.

— Господин, господин Тань...

— Тань Цзинчуань...

Кэ Вэньшэн закусил губу, стараясь изо всех сил сдержать захлестнувшие его чувства, подобные бурлящему приливу.

— Хочу... — свернувшись калачиком, он лежал на мраморном полу и смотрел, как огни на потолке постепенно расплываются, а зрение завлакивает подступающими слезами. — Как же я хочу твой запах. Как сильно он хотел откинуть одеяло и лечь на застеленную Тань Цзинчуанем постель, как сильно хотел позвонить ему и спросить, куда тот тогда пропал, как сильно хотел рассказать обо всем хорошем, о чем не успел поведать ему в прошлом, выкладывая всё по порядку.

А затем с легким смущением поведать о тех невысказанных чувствах, что из простой зависимости превратились в глубокую привязанность.

.....

Успокоитель подействовал очень быстро.

Кэ Вэньшэн с покрасневшимся от прилива крови лицом поднялся из темноты.

Он с неверием смотрел на самого себя, столь бесстыдного, чувствуя, как нечто по имени привязанность мало-помалу улетучивается.

Какое у меня вообще есть право? — мысленно спросил он себя.

Словно ушатая ледяной воды вылилась на голову, Кэ Вэньшэн внезапно осознал: верно, его и Тань Цзинчуаня связывают лишь отношения совершенно чужих людей.

Чего стоило то самое благотворительное, один на один, утешение феромонами? В ту пору он был еще несовершеннолетним, даже не знал имени собеседника, и они едва ли виделись пару раз — с чего вдруг у него зародилась такая болезненная привязанность?

В глазах Тань Цзинчуаня он — всего лишь случайный прохожий, с которым их свела единовременная встреча, да к тому же университетский сожитель его племянника Цинь Чжэня.

Не более того.

При этой мысли Кэ Вэньшэн неожиданно для себя погрузился в тревогу.

Но если... если тот и вправду был к нему абсолютно равнодушен и мог в любую минуту оборвать эту связь,

Зачем тогда он сохранил то письмо, написанное им самим?

— Тань Цзинчуань, — тихо проговорил он. — Могу ли я считать, что ты хоть капельку, да заботился обо мне прежде?

Глава 8. Как же вернуть его рубашку?

На следующее утро их приехал встречать телохранитель Цинь Чжэня, который по пути захватил завтрак — целое множество разнообразных угощений устало весь стол.

Идущие паром горячие булочки-баоцзы, золотистые, хрустящие снаружи палочки ютяо, несколько тарелочек с аппетитными закусками и две пиалы ароматного тофу-нао с капельками масла на поверхности — от одного этого вида разыгрывался зверский аппетит.

Однако маленький господин скривил лицо в пренебрежении:

Кто же ест поутру такую гадость, от одного вида тошно, я хочу креветочные пельмени тети Лю.

Она приходит на работу только в полдевятого, я велел ей сегодня с утра слепить их и убрать в холодильник, в следующий раз вернешься — сам и сваришь, — строго отчитал Тань Цзинчуань. — Хватит капризничать, рад уже тому, что хоть что-то есть, тебя следовало бы вообще голодным на занятия отправить.

Кэ Вэньшэн ничего не отвечал, а лишь усердно набивал желудок.

Вкус у этого завтрака и вправду оказался отменным, он пришелся ему по душе.

Он с улыбкой поприветствовал Тань Цзинчуаня по телефону, звуча так, будто прошлой ночью выспался вполне неплохо:

— Доброе утро, младший дядя.

Стоило сменить обращение с господина Тань на младшего дядю, как дистанция между ними мгновенно сократилась.

Тань Цзинчуань, только что собиравшийся что-то сказать, на миг умолк.

От подобного обращения со стороны Кэ Вэньшэна он вдруг вспомнил про это ходячее бедствие, крутившееся возле его племянника.

По правде говоря, Кэ Вэньшэн нравился людям куда больше, чем прежние шапочные знакомые Цинь Чжэня: он был не только вежлив, но и исключительно хорош собой. Видеть перед собой с раннего утра такое привлекательное лицо — пожалуй, не так уж и плохо.

— Баоцзы с начинкой из перца чили и ветчины очень вкусные, хочешь попробовать? — подал голос Кэ Вэньшэн, предлагая угощение. — Смотри, если не поешь сейчас, то после пары придется покупать в университетской столовой те мерзкие мясные пирожки.

Эта фраза мгновенно убедила Цинь Чжэня, и маленький господин с унылым лицом произнес:

Ладно, тогда буду это.

Оказывается, этот сомнительный тип — вполне себе мягкого и покладистого нрава.

Было заметно, что Цинь Чжэнь весьма неравнодушен к Кэ Вэньшэну: он не только вступался за

него в драках, но и прислушивался к его советам, а в повседневной жизни они, казалось, были неразлучны, к тому же жили в одной комнате общеобразовательного корпуса, да еще и на двухъярусных кроватях.

Неужели...

Они живут душа в душу, словно супруги.

Тань Цзинчуань слегка нахмурил брови:

— Однокурсник Кэ, ты хорошо выспался прошлой ночью?

— Прекрасно, кровать в гостевой комнате огромная и очень удобная, — тут же поправил его Кэ Вэньшэн. — Пожалуйста, зови меня просто по имени.

Стоило взглянуть на белую рубашку, в которую он был одет, чтобы без лишних раздумий понять: ее стоимость наверняка баснословна, а качество ткани совершенно не идет ни в какое сравнение с той, что он брал на время во время подработок.

Легкая, облегающая фигуру, с аккуратными, но не жесткими рукавами, а самое главное — совершенно не просвечивающая.

— В эти выходные я бы хотел пригласить тебя пообедать, не знаю, найдется ли у тебя время, — произнес Тань Цзинчуань.

— А? — Кэ Вэньшэн слегка растерялся.

— С чего это вдруг! — первым делом возмущился Цинь Чжэнь, хотя его волновал довольно странный вопрос. — Младший дядя, неужели свой первый обед по возвращении ты собираешься разделить не со мной?

— Не перебивай, — Тань Цзинчуань автоматически отгородился от его назойливой болтовни и продолжил разговор с Кэ Вэньшэном: — Только вдвоем, я хочу обсудить кое-какие ваши дела.

Он уже обдумал, как поступить в этой ситуации.

За прошедшие годы окружение Цинь Чжэня менялось бесконечно, и хотя племянник отличался своенравным характером и был избалован до крайности, он все же вел себя целомудренно, и у него почти не было даже намека на романтические увлечения.

Если бы Кэ Вэньшэн оказался альфой — еще куда ни шло: лишь бы обладал рассудительным

нравом, способным обуздать этот бурный темперамент, подходящим семейным происхождением и возможностью постоянно приглядывать за Цинь Чжэнем, тогда он закрыл бы на это глаза.

Но загвоздка заключалась в том, что тот был омегой.

Когда Тань Цзинчуань впервые увидел Кэ Вэньшэна, ему показалось лишь, что тот излишне красив и ослепителен.

Без поддержки семьи, с тяжелым материальным положением, к тому же постоянный гость баров и ночных клубов, обладающий столь притягательным нравом — скорее всего, любитель погулять, чьи помыслы вряд ли чисты.

<http://bllate.org/book/27821/3374426>